

Издательство „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“
Г. И. СЕРГЬЕВА и В. Е. ЧЕШИХИНА.

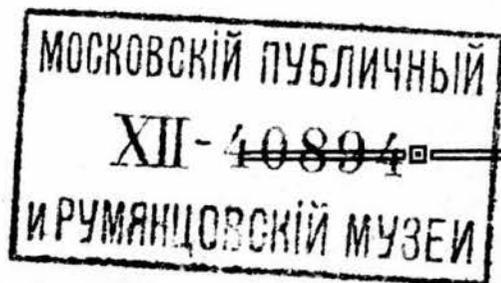

ГЕОРГЪ БРАНДЕСЪ.

ЧТО ТАКОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧУВСТВО?

РЪЧЬ КЪ МОЛОДЕЖИ.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ.

Типо-Лит. «Нижегор. Печатн. Дѣло».

1913.

Рѣчь къ молодежи знаменитаго датскаго литературнаго критика и публициста, Георга Брандеса, о національномъ чувствѣ была произнесена 1 февраля 1894 г. въ Копенгагенѣ при открытіи новаго зданія студенческаго общества свободомыслящихъ. Общество обратило на себя вниманіе серьезными попытками культурной и просвѣтительной дѣятельности: имъ были открыты бесплатная юридическая консультація, вечернія школы для рабочихъ и т. п. Разъясняя предъ этою молодежью, что такое, по его мнѣнію, національное чувство, Брандесъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма яркими красками рисовалъ положеніе своей страны въ пору удушливой реакціи, монополизировавшей національное чувство.

Въ переводѣ этой замѣчательной рѣчи сдѣланы нѣкоторыя сокращенія въ ссылкахъ автора на частности и имена, имѣющія слишкомъ мѣстный характеръ.

Переводъ могъ бы быть посвященъ современному русскому торжествующему „націонализму“ во всѣхъ его видахъ.

Ч. В—ій.

Н.-Новгородъ,
Ноябрь 1912 г.

При какомъ условіи человѣкъ можетъ вполне развернуть всѣ свои способности, осуществить все то, что онъ въ силахъ совершить? Всѣ чувства человѣка должны быть напряжены; его не должны тяготить ни заботы, ни сомнѣнія; онъ долженъ или быть счастливъ, или чувствовать, что его увлекаетъ идеаль, довѣріе въ свои силы, благородное упорство.

Задайтесь тѣмъ же вопросомъ по отношенію къ цѣлому поколѣнію, къ цѣлому народу. Точно также — то общее настроеніе, то доброе чувство общности стремлений, при которомъ удается все важное и создается все великое, обусловлено тѣмъ, чтобы единственный человѣкъ чувствовалъ, что его несетъ волна энтузіазма.

Онъ долженъ чувствовать страстное желаніе вызвать движеніе впередъ, или долженъ ощущать, что его увлекаетъ это движеніе, долженъ замѣчать благоприятныя вѣянія, подхватившія его. И силы его удваиваются вслѣдствіе сознанія, что онъ принадлежитъ къ великому цѣлому, которое хочетъ проявить себя, уже осуществило нѣкоторые изъ идеаловъ единицы и осуществить ихъ еще больше.

Таковы чувства цѣлыхъ поколѣній народа, когда они охвачены культурнымъ или художественнымъ движеніемъ, какъ напр., въ Италіи въ эпоху возрожденія, въ Германіи въ романтизма; то же бываетъ при сильномъ сознаніи своего могущества — напримеръ въ странахъ, быстро гнѣшне усилившихся. Достаточно, различно, каковы источники этого чувства. Достаточно, единственный человѣкъ ощущалъ ростъ родины, чувствовалъ, что она восходитъ все выше и выше, какъ это было недавно въ Норвегіи. Въ и какъ это мы видимъ до сихъ поръ въ Норвегіи. Въ духѣ онъ черпаетъ тогда мужество и вѣру въ свои силы.

На свой собственный страх онъ рвется тогда впередъ, полный духа почина, полный вѣры въ жизнь и въ свѣтлое будущее родины.

Эти качества: мужество, довѣріе къ своимъ силамъ, духъ дерзновенія, вѣра въ жизнь и въ будущее—не слишкомъ распространены среди современныхъ датчанъ.

Отчего у насъ не хватаетъ этихъ качествъ, объяснить можно. Немногіе чувствуютъ себя прикосновенными къ движенію впередъ или увлеченными имъ. Еще ничтожнѣе число тѣхъ, кто хотѣлъ бы вызвать такое движеніе. Во всемъ, что ни говорится, что ни творится—чувствуется какая то страшная пришибленность.

Первые симптомы этого настроенія я отношу къ 1870 г. Не много поколѣній начинало свой жизненный путь подъ столь тягостными впечатлѣніями, какъ то, которое было въ юношескомъ возрастѣ около 1864 г. *) и въ 1870 г. приближалось къ зрѣлымъ годамъ.

Извнѣ Данія была безсильна, сломлена. Внутри—потеря Шлезвиг-Гольштейна повела къ уничтоженію юнъскаго основного закона конституціи 1849 г., и съ 1870 г. господствующая національно-либеральная партія перешла къ ясной реакціи и въ областяхъ не политическихъ. Первые признаки социалистическаго движенія въ средѣ рабочихъ и освободительное умственное движеніе въ интеллигентныхъ сферахъ напугали ее.

«Долой ихъ!» стало лозунгомъ господствующей партіи, и среди брани, которою осыпали зачинщиковъ, повторялось и то, будто обѣ названныя группы—рабочіе и интеллигенція—не патріотичны и не національны.

Поскольку организація рабочихъ, шедшая медленно, но вѣрно, имѣла цѣлю обеспечить интересы датскихъ рабочихъ, затрудняя капиталистамъ привлеченіе иностранныхъ рабочихъ, постольку она, конечно, была національна. Точно также—литературное движеніе; между прочимъ, оно имѣло цѣлю дать читающей датской публикѣ представленія о Европѣ болѣе правильныя, чѣмъ ходившія до тѣхъ поръ, и въ этомъ отношеніи оно было въ лучшемъ смыслѣ слова патріотично. Даже больше—нельзя было въ то время и придумать дѣла болѣе патріотическаго. Въ 1864 г. мы пострадали

*) Годъ датско-прусской войны, кончившейся для Даніи потерей Шлезвиг-Гольштейна. Въ 1870 г. Данія едва не вступала въ войну съ Пруссіею снова.

вслѣдствіе нашего ужасающаго невѣжества относительно дѣйствительнаго состоянія Европы. Въ 1870 г. мы были на волосъ отъ гибели, благодаря тому же нашему духовному состоянію, которое постоянно заставляло насъ вѣрить тому, чего намъ хотѣлось. Дѣйствительно, пора было распространять свѣдѣнія объ окружающемъ насъ мірѣ. Изъ этихъ соображеній частью и исходило тогдашнее умственное движеніе.

Болѣзнь нашу вогнало внутрь. Съ 1864 г. Европа перестала интересоваться нами. Мы были долго маленькимъ, но интереснымъ народомъ. Прошло не мало времени, прежде чѣмъ намъ стало ясно, что мы больше ужъ не интересны.

Вобщемъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ мало, что могло внушить вѣру, что прѣнадлежишь къ обществу, которое идетъ впередъ или развивается.

Тѣмъ не менѣе многіе изъ тогдашней молодежи вѣрили въ восходящее движеніе, въ новыя плодотворныя вѣянія. Одинъ писатель изъ этой молодежи такъ изображалъ тогдашнее ея настроеніе: «Они были полны новаго, опьянены новыми теоріями, дико возбуждены силою новаго и ослѣплены его свѣтомъ... Бурно ликовали ихъ юныя души, они вѣрили въ свѣтъ великихъ свѣтилъ мысли, и надежды ихъ были безконечны, какъ море. Что за удивительное, полное обѣтованій было время!»—А между тѣмъ скоро наши внутреннія политическія дѣла совершенно уронили насъ въ глазахъ Европы.

Уже произвольный бюджетъ 1877 г. возбудилъ въ нашихъ сосѣдяхъ большое вниманіе. Въ Берлинѣ я слышалъ разговоръ двухъ депутатовъ объ этомъ. Одинъ сказалъ: «Въ Даніи нарушили конституцію. Министерство вѣдетъ деньги безъ согласія страны. Какъ видно, у Бисмарка есть ученики». Другой возразилъ горячо: «Нѣтъ, нѣтъ; тутъ не можетъ быть параллели. Никогда у насъ не осмѣливались ни на что подобное». А какъ невинно было это нарушеніе конституціи въ сравненіи съ послѣдующими! Позднѣе, когда такое противоконституціонное состояніе стало у насъ постояннымъ, Данія стала за-границей предметомъ двойного пренебреженія. Улыбались надъ хранителями права, законовъ и морали, управлявшими крошечною странюю такъ, какъ они это дѣлали, и невысокаго были мнѣнія о народѣ, который позволялъ это изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе.

То, что было создано нами въ новѣйшее время въ иныхъ областяхъ, возбуждало мало вниманія, быть можетъ слишкомъ мало. Наиболѣе крупное—переворотъ въ нашемъ земледѣліи, быстрый и успѣшный переходъ къ новому молочному хозяйству—не могло возбудить всеобщаго интереса.

По случаю всемірной вѣнской выставки 1873 г., въ «Gazette des beaux-arts» одинъ французъ, безпристрастный судья Даніи, довольно подробно разбиралъ художественныя выставки шведскую и норвежскую, но онъ полнымъ молчаніемъ обошелъ нашу страну. Наше участіе въ парижской всемірной выставкѣ 1878 г., даже по свѣдѣтельству всѣхъ датскихъ газетъ, было такъ неудачно, что Данія оказывалась въ хвостѣ странъ всего свѣта, если не сравнивать ее было съ Санъ-Марино или Монако. Въ то время часто повторяли въ Парижѣ поговорку, которая должна бы служить всѣмъ датчанамъ ужаснымъ предостереженіемъ и которой лучше бы никогда не являться на свѣтъ: «Le Danemark s'efface».

Le Danemark s'efface, т. е. Данія ступшевывается, исчезаетъ, имя ея приходитъ въ забвеніе. Она остается за кулисами, и если появляется на сценѣ, то хромаетъ на обѣ ноги.

Этотъ отзывъ о Даніи, конечно, не послѣдній и не единственный, но ничего ужаснѣе нельзя было сказать объ насъ. Намъ стоитъ призадуматься надъ этими словами.

Они выражали тайное опасеніе многихъ.

Въ то время часто повторяли—не легкомысленно, но со скорбью отчаянья:

«Мы—народъ, осужденный на смерть».

На-ряду съ этимъ болѣзненнымъ воплемъ, не слишкомъ убѣдительно были звуки официальныхъ пѣсенъ разныхъ клубовъ, которыя воспѣвали Данію и восторгались ею. Кто только не любовался буквыми лѣсами ея и сіяньемъ луны надъ Зундомъ и Бельтомъ, кто только не умилялся славою, какую Данія завоевала въ старые годы на войнѣ или на поприщѣ науки и искусства! Но тутъ же стоялъ грызущій вопросъ: идемъ мы впередъ или назадъ?

Очень характерно въ этомъ отношеніи то, что величайшій нашъ лирикъ въ свое время громче другихъ кричалъ «Да здравствуетъ Данія!» А нѣсколько лѣтъ назадъ онъ излилъ любовь къ родинѣ въ книгѣ, подъ заглавіемъ «Обреченная»,—т. е. страна обре-

ченная на гибель. И такой горькій приговоръ сорвался съ устъ поэта, по своей натурѣ чрезвычайно оптимистическаго *).

Всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что нынѣ Европа обратила вниманіе на сѣверную, скандинавскую духовную жизнь. Но вамъ не безызвѣстно и то, что изъ трехъ сѣверныхъ литературъ наименѣе интересуются датскою. Швеція и Норвегія представляются за границею въ опредѣленныхъ литературныхъ очерченіяхъ—Le Danemark s'efface.—Выдвинулся впередъ шведъ Стриндбергъ. Въ особенности же норвежцы вытѣснили датчанъ на поприщѣ международного соперничества. Имя Ибсена проложило себѣ дорогу въ Германію, а за нимъ пошли и другія норвежскія имена. Изъ Германіи слава Ибсена разлилась широкимъ потокомъ и по другимъ странамъ и продолжаетъ расти во всемъ цивилизованномъ мірѣ, возбуждая интересъ и къ другимъ норвежскимъ писателямъ. Норвежцы постигли искусство прилекать вниманіе иностранцевъ къ своимъ выдающимся писателямъ, даже къ мало выдающимся. Мало-мальски удачная вещь находитъ себѣ почти восторженный приемъ отъ Нордкапа до Линдеснеса; сочувственный отзывъ иностранца о томъ или другомъ норвежскомъ произведеніи, выраженный хотя бы въ частномъ письмѣ, облетаетъ всю Норвегію. У насъ въ Даніи—дѣло иного рода. Такіе таланты, нынѣ признанные, какъ Якобсонъ, Драхманъ, Шандорфъ, при своемъ появленіи были встрѣчены не восторгомъ, а гнилыми яблоками.

Для начинающихъ писателей печать была закрыта, вся печать. Въ 1872 году нѣкто помѣстилъ въ датской газетѣ свою послѣднюю защитительную статью въ видѣ оплаченнаго газетнаго объявленія, и потомъ цѣлыхъ девять лѣтъ не могъ напечатать ни въ одной ежедневной газетѣ ни строки въ защиту отъ сыпавшихся на него нападокъ *).

Сами же датчане затрудняли у себя сбытъ датскихъ литературныхъ произведеній; за границей они, по мѣрѣ силъ, старались затруднить признаніе за эгими произведеніями какихъ-нибудь достоинствъ. При этомъ именно тѣ, кто имѣлъ притязаніе быть представителями истинно національныхъ чувствъ, въ особенности и обнаружили печальное отсутствіе ихъ, когда вели ожесточенную

*) Рѣчь идетъ о романѣ датскаго лирика и беллетриста, Гольгера Драхмана (род. 1846 г.).

*) Самъ Г. Брандесъ.

войну съ умами, пролагавшими новые пути, внѣ традиціонныхъ воззрѣній.

Ни одно датское имя не проникало за границу, поддерживаемое единодушнымъ признаніемъ земляковъ; они старались замянуть, очернить, уничтожить его. Ни одинъ датскій талантъ не являлся европейцамъ въ ореолѣ восторженнаго поклоненія, которое часто бываетъ первою ступенью писателя къ европейской славѣ. Приговоръ соотечественниковъ въ этомъ отношеніи не маловаженъ. Изящная литература не то, что музыка или живопись или точная наука, которая почти универсальна. Здѣсь огромное значеніе имѣетъ словесная форма произведенія, не переводимая и не передаваемая. Иностранецъ во многомъ долженъ вѣрять на слово землякамъ писателя. И вотъ, тогда какъ норвежскій писатель за границей чувствуетъ за собою поддержку родины, датскій писатель, въ большинствѣ случаевъ, чувствуетъ, что на родинѣ къ нему относятся враждебно.

Какъ ни безобразно и ни вредно это явленіе само по себѣ, тѣмъ не менѣе оно лишь симптомъ болѣзни, которою страдаетъ Данія—не самая болѣзнь; это—лишь одно изъ многихъ слѣдствій того, что Данія гаснетъ на глазахъ Европы.

Причина лежитъ гораздо глубже.

Причина та, что въ послѣдніи двадцать лѣтъ здѣсь въ Даніи была произведена самая серьезная и къ несчастью, во многомъ успѣшная попытка опустошить страну духовно, обратить ее въ пустыню.

Казалось бы, пожалуй, что чисто политическіе, хотя и повторяющіеся изъ года въ годъ случаи, въ родѣ изданія произвольнаго финансоваго закона и т. п.—не могутъ вліять на духовную жизнь народа, на способности, чувства, на настроеніе людей, на характеръ и направленіе творческой фантазіи. Почему бы не процвѣтать наукамъ и искусствамъ, задають вопросъ, хотя бы въ политикѣ и былъ застой?

Да, вопросъ недурень.

Въ дѣйствительности—дѣло обстоитъ совершенно иначе.

Допустимъ, что правительство хочетъ поработить народъ, и допустимъ, что народъ этотъ слабъ, что въ этомъ народѣ сильные характеры рѣдки и рѣже всего—въ общественной жизни, что этотъ

народъ долженъ былъ быть воспитанъ и развиваться до свободы, но что онъ ослабѣлъ во многовѣковомъ состояніи политической незрѣлости, ослабѣлъ въ особенности предъ искушеніями.

Допустимъ, что правительство этого народа дошло до того, что прямо отдаетъ награды за рабскій духъ!

Допустимъ, что правительство, конечно—того не желая, въ силу разныхъ обстоятельствъ достигло, наконецъ, вслѣдствіе непрерывнаго двадцатилѣтняго гнета, обезличенія гражданъ: сильные характеры сломаны, свѣжесть, оригинальность, гражданское мужество, пониманіе дѣйствительности, довѣріе къ своимъ силамъ исчезли.

Тогда приверженцы такого правительства, если среди нихъ окажутся еще интеллигентные люди, въ одинъ прекрасный день съ ужасомъ замѣтятъ, что государство обратилось въ пустыню, въ которой что-либо цѣнное едва-два можетъ прозябать. Они открываютъ, что въ младшемъ поколѣніи не оказывается ни одного политическаго таланта, не говоря уже о людяхъ съ политическимъ характеромъ.

Наступило состояніе, имя которому ни аристократія, ни демократія, а геронтократія, правленіе старчества, зрѣлыхъ лѣтами и юныхъ стариковъ. Повсюду на почетныхъ мѣстахъ въ управленіи, въ искусствѣ и наукѣ, въ театрѣ и цензурѣ видна голова этой Медузы. И юные старцы куда хуже старыхъ!

Мы живемъ теперь въ такомъ состояніи, въ которомъ не нужны больше правовой смыслъ и правовое чувство; эти инстинкты прямо вредны для эгоистическаго благополучія. А вѣдь справедливость—высшій идеаль человечества.

При такомъ положеніи дѣлъ все спускаютъ сильнымъ міра се-го, всякую слабость, всякое невѣжество, всякую безхарактерность, все смѣшное и низкое въ нихъ. Правовое сознаніе стало въ отношеніи къ нимъ эластично, какъ каучукъ.

Если есть непріятный свидѣтель, онъ исчезаетъ: надзирательница пріюта для бѣдныхъ предпринимаетъ увеселительную поѣздку въ Бразилію *). У нея, видите-ли, нашлись средства на такое путе-

*) Противъ редактора одной газеты начали преслѣдованіе за открытіе злоупотребленій въ пріютѣ. Предъ началомъ процесса главная свидѣтельница была отправлена въ Бразилію, и редакторъ былъ осужденъ на три мѣсяца тюремнаго заключенія.

шествiе. Ну, что-жъ! Тѣмъ хуже для того, у кого нѣтъ свидѣтельницы.

Карьеристъ съ положенiемъ становится во главѣ общества для сожиганiя мертвыхъ, а чрезъ годъ онъ строжайше запрещаетъ священникамъ даже присутствовать при сожиганiи мертвыхъ *). Ничего, что за важность! Можно даже посмѣяться надъ этимъ. — Въ странѣ нѣтъ общественнаго мнѣнiя, и министръ хладнокровно остритъ еще надъ этимъ въ парламентахъ **). Ничего!

Съ другой стороны—по отношенiю къ тѣмъ, кто вѣренъ конституцiи—полная нетерпимость. Ничто не прощается, всякая мелочь ставится имъ въ счетъ, ни одна низость въ нападенiи не считается достаточно безчестной. Редакторъ грязной газеты получаетъ отъ министра право свободнаго процесса ***).

Вмѣстѣ съ правовымъ чувствомъ гаснетъ и любовь къ свободѣ.

И неужели можно думать, что такое состоянiе страны не кончится талантовъ? Что видимъ мы въ дѣйствительности? Мы видимъ, какъ многообщавшiе въ началѣ таланты слабѣютъ, становятся плоски, со дня на день безцвѣтнѣе. Мы видимъ, какъ таланты съ каждымъ днемъ удаляются отъ дѣйствительнаго мiра, впадаютъ въ искусственность или въ болѣзненную мечтательность.

И малый талантъ можетъ вырасти, если его поддерживаетъ характеръ; даже крупный талантъ гибнетъ отъ безхарактерности. А безхарактерность—главный нашъ грѣхъ. Мы видимъ, какъ литературные дѣятели унижаются ради хлѣбнаго мѣста предъ тѣми же темными людьми власти, съ которыми когда-то боролись. Другiе талантливые люди ударились теперь въ промышленность, въ кулачество. Журналисты публично продаютъ себя со всѣми своими ароматами, которые они называютъ убѣжденiями, продаютъ себя даже тому, кому вчера давали пинка; ничего, что за важность! Всѣ они не хуже другихъ, люди почтенные.

Главное—исчезло у насъ сознанiе того, что мы идемъ впередъ, исчезло то чувство, которое бываетъ основнымъ условiемъ

*) Министръ вѣроисповѣдованiя Гоосъ.

***) Министръ юстицiи Неллеманъ.

****) Свободный, т. е. безплатный процессъ существуетъ въ Данiи для защиты лицъ съ недостаточными средствами противъ оскорбленiя чести ихъ. Министръ Неллеманъ далъ право свободнаго процесса субсидируемой газетѣ „Punsch“, противъ которой возбужденъ былъ рядъ преслѣдованiй за клевету.

всякой широкой производительной дѣятельности, исчезло довѣрiе къ себѣ, то настроенiе, въ которомъ рождаются плодотворные идеалы и планы. Ни надежды, ни вѣры въ будущее.

Сравните съ нашимъ положенiемъ—настроенiе норвежцевъ и старыхъ, и молодыхъ. Чувствуете ли вы, какой они исполнены вѣры въ Норвегiю и въ ея будущее, какъ эта вѣра подымаетъ и несетъ ихъ впередъ?! Неужели вы думаете, что среди нихъ кто-нибудь когда-нибудь задавался вопросомъ, не осуждена ли Норвегiя на смерть? Они ни въ чемъ не сомнѣваются, ни передъ чѣмъ не останавливаются.

На чемъ же основана такая рѣзкая разница въ настроенiяхъ двухъ близкихъ и родственныхъ народовъ?

Прежде всего, конечно, на томъ, что Норвегiи не приходится оглядываться на такiя трагическiя событiя своей исторiи, какъ Данiи.

Затѣмъ, разница происходитъ вслѣдствiе слѣдующей противоположности. Всѣ болѣе выдающiеся молодые писатели Норвегiи, насколько мнѣ извѣстно, подобно большинству болѣе выдающихся датскихъ писателей, принадлежатъ къ направленiю, которое характеризуютъ общимъ названiемъ лѣвой. Но дѣло въ томъ, что въ Норвегiи лѣвая всегда имѣла національное чувство на своей сторонѣ, пользовалась, какъ попутнымъ вѣтромъ, этимъ инстинктомъ. Въ Данiи же—лѣвая постоянно боролась, не имѣя національнаго чувства на своей сторонѣ; она отчасти была даже вынуждена бороться съ нимъ—положенiе въ высшей степени невыгодное. Имѣть противъ себя столь сильный, столь первобытный и произвольный инстинктъ—хотя бы и по недоразумѣнiю, какъ оно и есть—условiе для борьбы тяжелое.

Вы знаете, что такое національное чувство норвежцевъ? Это—страсть, и не слишкомъ скромная, вызывающая. Но, какова она есть, она сила. Конечно, и у норвежскаго патриотизма есть, какъ и у нашего, свои декламаторы. Можно улыбнуться, напр., проповѣди о всемирной миссiи Норвегiи ввести всесвѣтлый миръ. Но во всякомъ случаѣ пылкое національное чувство поддерживало подрастающее поколѣнiе, а по пословицѣ: легко грести по вѣтру.

Лѣвая въ Данiи была вынуждена объявить мирныя дружественныя отношенiя къ Германiи абсолютнымъ условiемъ существованiя страны. Это обстоятельство дало возможность правительственной

партии овладеть национальным чувством, которое сбилось съ вѣрнаго пути, въ свою пользу; она объявила себя партией національною, а лѣвую—партией, не знающею любви къ отечеству, партией, которая не хочетъ защищать Данію противъ врага. Лѣвая напрасно возражала, что именно дѣло защиты въ томъ видѣ, какъ оно велось правительственною партией, непатріотично, потому что укрѣпленіе Копенгагена—помимо противозаконности—влечетъ опасность паденія и столицы, и страны. Национальное чувство изстари воинственно, а правительственная партія была въ барабаны, взывала къ мужеству, къ патріотизму, къ знамени Даніи. Данеброгово знамя постарались вырвать у лѣвой, и вотъ поколѣніе, которое примкнуло къ ней, очутилось въ ложномъ положеніи относительно національнаго инстинкта.

Люди этого поколѣнія были слишкомъ щепетильны, чтобы при удобномъ и неудобномъ случаѣ бить себя въ грудь и возглаголють: «Да здравствуетъ Данія!» и ихъ вытѣснили изъ всѣхъ официальныхъ положеній, гдѣ они могли бы быть представителями націи. Ни одинъ другъ лѣвой не получалъ никогда назначенія быть представителемъ Даніи.

Людей этого направленія, стремящихся къ лучшему, это не должно смущать. Имъ не должно обходить само національное чувство только потому, что правая направляетъ его нелѣпо и обращаетъ въ карикатуру, или потому, что нѣкоторые изъ социалистовъ, по космополитическимъ соображеніямъ, борются съ нимъ и отрицаютъ его. Правая не прочь бы присвоить это чувство себѣ одной—съ ея стороны это не глупо. Соціалисты иногда противодействуютъ національному инстинкту—съ ихъ стороны это не умно. Космополитическое чувство, чувство принадлежности ко всему человечеству, не только вполне возможно на основѣ національнаго чувства, но даже не естественно безъ послѣдняго. Если чувствуешь себя скандинавомъ, это нисколько не исключаетъ того, что прежде всего чувствуешь себя датчаниномъ; даже неестественно чувствовать себя сѣверяниномъ и не сознавать сначала своей сѣверной національности. Совершенно то же нужно сказать, если смотрѣть на себя, какъ на европейца или на гражданина вселенной. Прежде всего чувствуешь себя, разумѣется, датчаниномъ.

Насъ не должны смущать, какъ сказано, карикатурныя формы патріотизма. Поль Линдау рассказываетъ, что одинъ датчанинъ

сказалъ ему разъ послѣ обѣда въ англійской гостинницѣ: «отдадимъ теперь дань прекрасному старому датскому обычаю выпивать послѣ обѣда чашку кофе.» Подобные патріоты не должны удерживать насъ отъ воспитанія и развитія въ себѣ національнаго инстинкта. Сильное национальное чувство имѣетъ въ себѣ нѣчто собирающее и подымающее, именно то, чего не хватаетъ нашему молодому поколѣнію. Благодаря главному образомъ національному чувству, норвежцы и шведы сумѣли нынѣ привлечь къ себѣ вниманіе всей Европы. Пусть же національное чувство снова двинетъ и насъ впередъ.

Не обращайтесь вниманія на тѣхъ, кто себя и молодежь называетъ декадентами. Создайте новыя условія, минетъ и декадентство. Не вѣрьте нелѣпому: «fin de siècle». Въ послѣдніе годы прошлаго вѣка *) всѣ были молоды.

Народъ сохраняетъ за собою свое мѣсто среди другихъ народовъ и идетъ впередъ, если можетъ развивать свою культуру. И у насъ нѣтъ другого способа и средства быть патріотами и завоевать въ мірѣ уваженіе къ себѣ, какъ производительный культурный трудъ. Какъ насъ ни мало, все же ничто извнѣ не препятствуетъ нашему научному, художественному, музыкальному творчеству, ничто не мѣшаетъ намъ, датчанамъ, пролагать новыя культурныя пути.

Юридическая помощь народу—одинъ изъ такихъ путей, образованіе рабочихъ—также культурный путь. Стремленіе, выраженное вашимъ обществомъ, поддерживать связь между королевствомъ и Сѣвернымъ Шлезвигомъ въ цѣляхъ охраненія датскаго языка и датской культуры въ этой области, также имѣетъ для насъ, датчанъ, огромное культурное значеніе. Наша национальная обязанность—защищать свой языкъ, и насъ осмѣяли бы сами нѣмцы, если бы мы оказались въ данномъ случаѣ не на высотѣ своего положенія.

Наша обязанность—употребить всѣ силы, чтобы источники культуры въ нашей странѣ били свободно и обильно. Мы не можемъ создать ихъ, это ясно, но мы можемъ по мѣрѣ силъ бороться съ засореніемъ ихъ. И примѣръ намъ могли бы подать сверху.

Если бы принцемъ Датскимъ нынѣ былъ, какъ нѣкогда, знаменитѣйшій изъ датчанъ, Гамлетъ, онъ, конечно, былъ бы впереди всѣхъ. Онъ отнесся бы участливо не къ однимъ актерамъ, еже-

*) XVIII в.

годно онъ тратилъ бы такую сумму на покупку картинъ и скульптуръ, что помогъ бы всѣмъ нашимъ художникамъ, которымъ такъ трудно дается борьба съ нищетою. Что значилъ бы для Гамлета годовой расходъ хоть въ 50,000 кронъ, который былъ бы великою помощью для искусства въ Даніи. Гамлетъ не допустилъ бы превзойти себя пивовару *).

Такъ называемая аристократія наша охотно изображаетъ изъ себя патриотку и скупаетъ картины и книги, которыя съ искусствомъ ничего общаго не имѣютъ. Она—внѣ всякаго соприкосновенія съ силами, создающими или несущими культуру нашей страны. Меценатами у насъ являются три-четыре представителя промышленности въ Копенгагенѣ. На аристократію никто не рассчитываетъ и не надѣется.

Что касается книгъ, то ихъ покупаютъ почти исключительно тѣ, у кого нѣтъ для этого средствъ.

Все это должно же переѣмниться когда нибудь! Такой недостатокъ со стороны высшихъ сословій національнаго чувства отститъ за себя такъ или иначе.

Все это очень грустно, и прискорбнѣ всего то, что на всемірномъ поприщѣ Данія ни въ одной области не можетъ нынѣ похвалиться талантами и способностями, и виною тому неблагоприятныя условія дома.

Впрочемъ, унывать еще нечего въ этомъ отношеніи. Но для того, чтобы знамя Даніи снова утвердилось въ заграничныхъ портахъ, станемъ дѣлать, что можно, для развитія у насъ личной инициативы и бодрости.

Говорятъ, будто культура наша стара, тогда какъ норвежская напр. юна. Въ дѣйствительности, норвежская культура ни на полчаса не моложе нашей. Крещеніе культурою далъ и Даніи, и Норвегій Людвигъ Гольбергъ. А вѣдь нельзя же назвать старою культуру, которой насчитывается только 170 лѣтъ.

Я не пытался скрыть отъ васъ все то, что гнететъ и ослабляетъ насъ, датчанъ, и главное,—чувство, что государство наше постоянно слабѣетъ извнѣ, и чувство, что мы живемъ въ условіяхъ, при которыхъ притупились въ народѣ правовое сознание и любовь къ свободѣ.

*) Пивоваръ Якобсонъ подарилъ городу Копенгагену огромный богатый музей скульптуры.

Я цѣню и уважаю ваше общество за то, что въ трудное время общей придавленности оно полно одушевленія и вѣры въ лучшее будущее, за его стремленія и дѣятельность, которая можетъ быть поставлена на-ряду съ гордостью Даніи, съ высшими народными школами, основанными Грундтвигомъ *).

Въ другихъ странахъ интеллигентная молодежь—студенты—уступили мѣсто новому интеллигентному сословию, рабочимъ. Датская молодежь поняла, что она естественный другъ этого сословія. Во время французской революціи вождями буржуазіи были лучшіе представители французскаго дворянства. Подобно этому, датскіе студенты сознали свое призваніе безкорыстно просвѣщать народъ и помогать ему въ борьбѣ за его права.

Сегодня ваше общество впервые собирается въ новомъ, болѣе просторномъ помѣщеніи.

Пусть же оно процвѣтаетъ здѣсь, какъ и въ прежнемъ! Пусть родится здѣсь много новыхъ прекрасныхъ мыслей и много полезныхъ дѣяній во славу Даніи!

*) Такъ называемые „народные университеты“

КНИГИ Ч. ВЪТРИНСКАГО.

Герценъ. Жизнь. Мысли. Дѣятельность. Съ 4 фототипіями и 16 автотипіями на мѣловой бумагѣ. Приложение: А. Г. Фоминъ. Библиографія.—XVI+532 стр. Спб. Изданіе Библиотеки „Свѣточа“ (С. А. Венгерова). 1908. Цѣна 3 руб.

„Самая полная и лучшая въ настоящее время книга о Герценѣ Историко-литературная библиотека“, подъ редакціей А. Грузинскаго. Западники 40 годовъ. О. Нелидова М. 1910. Стр. 268). и мн. др. отз.

С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ редакціей Ч. Вѣтринскаго. Съ очеркомъ жизни и дѣятельности С. Т. Аксакова и съ приложеніемъ объяснительнаго словаря именъ, портрета Аксакова и рисунковъ. Спб. 1909. Стр. XLVIII+612. Цѣна 1 р. 50 к. Изд. О. Н. Поповой.

„Настоящее изданіе можно признать наилучшимъ изъ числа тѣхъ, какія были выпущены по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти С. Т. Аксакова“. „Педагогическій Листокъ“, 1909, кн. 6 и др. отзывы.

Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Изданіе второе. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Допущена въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ отзывовъ о первомъ изданіи: „Весьма обстоятельный трудъ, который можетъ съ большою пользою служить тѣмъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ судьбами недавняго прошлаго нашей науки и общества“ (В. Европы, 1897, № 1). „Книга читается съ неослабнымъ интересомъ и ее смѣло можно рекомендовать всемъ, интересующимся сороковыми годами, какъ полезное и необходимое руководство“ (Міръ Божій, 1897, № 3), и др. отзывы.

Н. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ. „Историко-литературная бібліотека“.

VI вып. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1911 г. Ц. 80 к.

„Превосходная сводная работа... Этотъ сборникъ является единственнымъ источникомъ для болѣе или менѣе детальнаго ознакомленія съ различными періодами жизни поэта по воспоминаніямъ людей, лично знавшихъ его“ („Бюллетени литер. и жизни“, № 3—отъ 15 окт. 1911).

Ф. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ. „Историко-литературн. бібліотека“. VII выпускъ. М. 1912. Цѣна 1 р. 10 к.

„Книга составлена Вѣтринскимъ съ высокой добросовѣстностью. Почти половина занята наиболѣе характерными письмами великаго писателя. Въ другой—собрано все наиболѣе цѣнное изъ воспоминаній о немъ“. „Рус. Слово“, 1912 г., № 190 и мн. др. отзывы.

Гуманистъ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). М. 1906. Изд. Сытина. Цѣна 15 коп.

Учитель русскаго общества (В. Г. Вѣлинскій). М. 1907. Изд. Сытина. Цѣна 25 коп.

„Дешевая бібліотека“ А. С. Суворина.

№ 317. Шериданъ. Школа злословія. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго, съ біографіей автора.

№ 309. Шериданъ. Соперники. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго.

Издательство „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“.

Въ пользу голодающихъ.

„Левъ Толстой и голодъ“

Сборникъ подъ редакціей Ч. Вѣтринскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Нѣсколько словъ о неурожаѣ въ Нижегород. губ. Г. М. Сергѣева.—Левъ Толстой и голодъ. Ч. Вѣтринскаго—И. А. Н. Толстой. Статьи о голодѣ 1878, 1891—2 и 1898 г.г. II. Письма А. Н. Толстого. Воспоминанія и др. матеріалы; 1873 г.—А. С. Пругавина, С. С. Кондурушина. 1891—3 г.г. А. И. Эртеля, американца Стадаманга, К. К. Арсеньева, А. Н. Анучина, В. И. Скороходова, С. Т. Семенова, П. Н. Гастева; 1908 г.—гр. И. А. Толстого; 1907 г.—Г. С. Рябова.

Съ 2-мя портретами Л. Н. ТОЛСТОГО и съ 5-ю иллюстраціями.

Цѣна—1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Ч. Вѣтринскій.—Странички Герцена. Незданная страничка изъ книги „Съ того берега“.—Письма Герцена къ Фохту.—А. И. Герценъ и В. В. Стасовъ. Цѣна 10 коп.

Его-же. Нижегородскіе портреты. Сборникъ статей о М. Я. Чаадаевѣ, А. Н. Муравьевѣ, П. И. Мельниковѣ, А. С. Гацисскомъ, Л. Г. Граве, В. Г. Короленкѣ и др., съ 5 портр.—Готовится къ печати.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

А. И. ЯШНОВЪ. По русскому сѣверу. Изъ впечатлѣній туриста.

„Нижегородскій Ежегодникъ“ Годъ изданія третій. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ, подъ редакціей Г. М. Сергѣева и В. Е. Чешкина (Ч. Вѣтринскаго), при участіи широкаго круга сотрудниковъ мѣстныхъ и столичныхъ.

на 1913 г.

Содержаніе. I. Общекалендарныя свѣдѣнія.
II. Литературная часть: статьи о Нижегородской губерніи и Нижнемъ-Новгородѣ, земское и городское дѣло, народное образованіе, сельское хозяйство, научный отдѣлъ, историческій отдѣлъ и историко-литературный.
III. справочныя свѣдѣнія по Н.-Новгороду и губерніи и адресь-календарь города и губерніи.

Съ многими видами и портретами, картой губерніи, и планомъ Н.-Новгорода.

Цѣна 40 коп., съ пересылкой 65 коп.

Печатается новая общедоступная книга Ч. Вѣтринскаго.

„ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ и РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ“.

Книга удостоена золотой медали на конкурсѣ Московскаго Общества Грамотности въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ.